

Победа и поражение Великого инквизитора

И.В. Чусов

(Получена 7 июня 2006; опубликована 15 июля 2006)

Я не думал, что мне когда-нибудь придётся писать что-то вроде театральной рецензии. Какое отношение я – физик-экспериментатор, просидевший не одни штаны, наблюдая на экране осциллографа процессы в плазме, – это с одной стороны, и одновременно – верящий в Бога экстрасенс, – какое, повторяю, я имею отношение к театральному миру, и почему мне вообще пришла в голову мысль, что мои соображения будут хоть кому-то интересны? Ответ прост – по праву человека, которому жизненно важно узнать, чем же кончился спор Великого инквизитора и Иисуса Христа во вставной новелле последнего романа Достоевского, превращённый в театральное действие под умелым руководством Камы Гинкаса. Итак – "Нелепая поэмка" по Ф.М.Достоевскому. На спектакль меня привёл один из его создателей. В разговоре он высказался так: ""Братья Карамазовы" – вершина творчества Достоевского, а "Легенда о Великом Инквизиторе" – бриллиантовое его украшение". May be so.

Московский Театр Юного Зрителя осуществил безумную по своей смелости попытку за два часа театрального времени без перерыва на буфет показать нам со сцены разговор мятущегося Ивана Карамазова со своим смиренным младшим братом Алёшей — иноком. Между братьями пять лет разницы в возрасте и барьер в понимании жизни. Но есть ещё одно, поражающее современного зрителя и читателя обстоятельство. Ивану Карамазову всего лишь 23 года. По нынешним временам он — "рядовой щенок необученный", но что он говорит своему младшему брату, желая с ним поближе познакомиться! Речь идёт о Втором Пришествии.

Видишь ли, Алёша, ведь, может быть, и действительно так случится, что когда я сам доживу до того момента али воскресну, чтобы увидеть Его, то и сам я, пожалуй, воскликну со всеми вместе, смотря на мать, обнявшуюся с мучителями её дитяти: "Прав ты, Господи!", но я не хочу тогда восклицать. Пока ещё время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка, который бил себя кулачёнком в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слёзками своими к "боженьке"! Не стоит потому, что слёзки его остались неисккупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может подправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше... Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это я и делаю. Не Бога я не принимаю, Алёша, я только билет Ему почтительнейше возвращаю.

Скажите честно, можно ли представить себе такой разговор в компании молодых людей, оканчивающих современный институт? Ответ до боли очевиден. Тогда кто же мы? Не двигаемся ли мы назад к обезьяне, если и в самом деле произошли от неё?! В этой связи мне хочется привести только название публичной лекции, прочитанной в 2006 г. в городе Архангельск Ольгой Седаковой, лауреатом нескольких литературных премий:

- им. Андрея Белого (Ленинград, 1983);
- Русскому поэту (Париж, 1991);
- им. Альфреда Гопфера (Гамбург, 1994);
- Европейской премии поэзии (Рим, 1995);
- им. Владимира Соловьёва (Ватикан, 1998);
- Александра Солженицына (Москва, 2003),

которая живёт и преподаёт в городе Москве и совершенно неизвестна среднему московскому читателю, который куда как горазд смотреть "убойные" сериалы или разбираться в том, как поссорились Алла Борисовна с Иосифом Давыдовичем. Ничто человеческое среднему москвичу не чуждо. Его и квартирный вопрос беспокоит по-прежнему... Какие уж тут "билеты" в какую-то "гармонию"! О чём вы?.. Так вот, название лекции Ольги Седаковой таково: **"Посредственность как социальная опасность"**.

В этой лекции речь не идёт, конечно, о том, что есть посредственные инженеры, артисты, поэты, политические деятели — люди, которые ошиблись в выборе профессии и что называется "не тянут". Я не буду приводить подробно очень интересные рассуждения Ольги Седаковой. Для моих целей пока что важна формулировка проблемы. Давайте попытаемся хотя бы *в прыжке с разбега* дотянуться до уровня Ивана Карамазова и обсуждать не ошибку в выборе своей профессии, а ошибку в выборе своей *миссии*. В этом и состоит разница. Социальная опасность культа посредственности для общества потребления, в котором мы имеем сомнительную честь пребывать, состоит в доведённом до идиотизма снижении планки оценок во имя "политкорректности" по отношению к посредственности. Главное, дескать, не результат, а участие...

Если чуть-чуть поразмыслить, то придёшь к выводу, что профессию выбирают для заработка, а миссию — для самореализации. В миссии не может быть "осетрины второй свежести", там идёт гамбургский счёт. Но для реализации своей миссии необходимы три компоненты: Бог, свобода и ответственность. Если чего-нибудь из этого главного набора не хватает, миссия становится невозможной. Несколько слов, почему это так. Без Бога, в рамках общечеловеческих ценностей невозможно сформулировать смысл жизни человечества в целом и содержание собственной миссии в частности. Чтобы только подумать о выборе миссии, нужна внутренняя тяга к свободе, привычка к свободному выбору, а чтобы реализовать свой выбор, нужна внутренняя ответственность. Повторяю, речь идёт о *внутреннем* чувстве Бога, *внутреннем* чувстве свободы, *внутреннем* чувстве ответственности.

И если предположить, что мы обладаем этими внутренними качествами, и нам в той же степени как Ивану Карамазову дорога душевная честность, настолько дорога, что мы, подобно ему при плохом раскладе готовы не только "отдать билет", но даже и "истребить себя", то нам остаётся найти выход из ситуации, в которой Иван Карамазов полтора века тому назад выхода не видел. Мы должны отбросить нынешнюю пресловутую "политкорректность" во имя истины, даже если мы нарушим своими выводами душевное спокойствие "посредственности".

Начнём с того, что век нынешний отличается от веков предыдущих тем, что роль научного познания мира неизмеримо выросла. Из этого совершенно не следует, что наука может подтвердить или опровергнуть существование Бога — не об этом речь. Наука сама по большому счёту — плод божественных откровений. Занятия наукой убедили нас в том, что любое творчество — и научное в этом числе — состоит из "откровений-озарений" и вполне будничной технической работы по увязке этих небесных жемчужин в единую ткань *приблизительной* истины. Так вот эту ткань делают не боги, а люди и при этом вполне могут и ошибаться. Поэтому никакие священные источники не могут считаться до конца правильными, поскольку эти источники писались и переписывались опять-таки не богами, а смертными и пристрастными людьми, предыдущие знания которых не позволяли им воспринимать посылаемые им откровения-озарения адекватно, а только приблизительно. Они их просто не могли достоверно интерпретировать.

Занятия наукой научили людей правильной методике сопоставления фактов. И это сразу же привело к тому, что священные религиозные тексты потеряли свой статус непогрешимости. Более того, в случае противоречий между священными текстами и научными выводами права наука, потому что её аппарат обобщений великолепно отработан за период 2-3 тысячи лет с тех пор, когда были созданы священные тексты.

Давайте зададим сами себе простенький вопросец: зачем Бог создал людей? Ответа в Библии не найдём. И если Он их создал без какой-то определённой цели, то и требования к ним неопределенны. А если не определены требования, то повисает в воздухе и первородный грех, из-за которого требуется восстановление "гармонии" и любви при одновременном (парадокс!) существовании ада с вечными ужасными мучениями грешников, которых нам надлежит, тем не менее, любить как самих себя. И здесь мне хочется крикнуть Ивану Федоровичу Карамазову: "Не надо истреблять себя! Бог не создавал плохой зверинец и не наблюдает за нами через прутья клеток! Он это — мы, мы — Его руки, глаза, через нас Он познаёт Себя, потому что Он развивается, Он ещё — Подросток! Он станет лучше! Почему, ну, почему Вы так невнимательно читали Гегеля?! Там же всё это написано или подразумевается!"

Остановившись на полуслове, перейдём к другой теме, затронутой в беседе двух братьев. Поговорим о свободе.

Старший брат рассказывает младшему придуманную им "поэмку" о посещении Иисусом Христом Севильи в 16 веке. Итак, Испания под властью инквизиции, средние века. Только что "к вящей славе Господней" в великолепном аутодафе в присутствии короля, двора, рыцарей, кардиналов и прелестнейших придворных дам великий инквизитор сжёг почти сотню еретиков. И вдруг появляется Он. Послушаем Ивана Карамазова.

Он появится тихо, незаметно, и вот все — странно это — узнают его... Народ непобедимой силой стремится к нему, окружает его, нарастает кругом него, следует за ним. Он молча проходит среди их с тихой улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью... Народ плачет и целует землю по которой идет Он. Дети бросают пред ним цветы, поют и вопиют ему: «Осанна!» «Это Он, это сам Он,— повторяют все,— это должен быть Он, это никто как Он». Он останавливается на паперти Севильского собора в ту самую минуту, когда во

храм вносят с плачем детский открытый белый гробик: в нем семилетняя девочка, единственная дочь одного знатного гражданина. Мертвый ребенок лежит весь в цветах. «Он воскресит твое дитя»,— кричат из толпы плачущей матери. Вышедший навстречу гроба соборный патер смотрит в недоумении и хмурит брови. Но вот раздается вопль матери умершего ребенка. Она повергается к ногам Его: «Если это Ты, то воскреси дитя мое!» — восклицает она, простирая к нему руки. Процессия останавливается, гробик опускают на паперть к ногам Его. Он смотрит с состраданием, и уста его тихо и еще раз произносят: «Талифа куми» — «и восста девица». Девочка подымается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивленными раскрытыми глазками кругом. В руках ее букет белых роз, с которым она лежала в гробу. В народе смятение, крики, рыдания, и вот, в эту самую минуту вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал Великий инквизитор. Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск. О, он не в великолепных кардинальских одеждах своих, в каких красовался вчера пред народом, когда сжигали врагов римской веры,— нет, в эту минуту он лишь в старой, грубой монашеской своей рясе.

Одно движение перста и стража "налагает на Него руки" и уводит в темницу. Народ, как и следовало ожидать, — безмолвствует.

В театре левая часть сцены закрыта прочными белыми деревянными крестами, похожими на виселицы, один другого выше, это символ времени, символ христианнейшей страны — Испании и одновременно — символ инквизиции.

Ночью Великий инквизитор приходит к Нему в темницу. Может быть, он хочет покаяться, может убедиться, что он это в самом деле — Он, но узник не отвечает ему ни одним словом, ни одним жестом до самого конца разговора. На сцене Его нет, да Он и не нужен, Его фактически нет даже в рассказе Ивана Карамазова. За двоих говорит Великий инквизитор.

Если бы слова этого разговора не записывались рукой Ф.М.Достоевского, которому "всё позволено", то можно было бы считать их в крайней степени богохульными, потому что разрушительная сила его слов огромна, а опровержения им нет. Я спросил моего проводника по театру перед началом спектакля:

- Вы поставили как шарж или всерьез?
- Какой шарж! Сам увидишь.
- Но там же нет решения!!!
- Если бы оно было...

Вот почему я пишу эту статью. Всё-таки решение, кажется, есть. Раньше не было, а сейчас есть.

Великий инквизитор предъявляет Ему очень серьезные обвинения. Невозможно изложить их своими словами, поскольку текст Ф.М.Достоевского настолько насыщен содержанием, что "ужимать" его дополнительно без потери части смысла практически невозможно. Но я всё-таки попробую это сделать, смиренно сознавая, что моя версия изложения этого разговора есть только моя версия, другой выделил бы иное.

Великий инквизитор упрекает Его в том, что Он фактически не любит людей, предъявляя им завышенные требования, которые в массе своей они выполнить не в

состоянии. Великий инквизитор считает людей в целом бунтовщиками с минимальной социальной ответственностью (я употребляю иногда современные более привычные термины). Они в его глазах — дети, и ими надо руководить, иначе они не выживут.

И, правда, открываем Новый Завет и читаем в Евангелии от Матфея описание триумфального появления Иисуса Христа в Иерусалиме:

Множество же народа постилали свои одежды по дороге; а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге. Народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних! И когда вошёл Он в Иерусалим, весь город пришёл в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского. И вошёл Иисус в Храм Божий, и выгнал всех продающих и покупающих в Храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей.

А уйти из Иерусалима ему уже не пришлось. Всё кончилось плохо.

Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую руку, а другой по левую. Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: Разрушающий храм и в три дня созидающий! спаси Себя Самого; если ты Сын Божий, сойди с креста.

Как это совмещается, такое начало и такой финал? А вот и совмещается! И Великий инквизитор имел право сказать Ему.

Повторяю тебе, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горящие угли к костру Твоему, на котором сожгу Тебя за то, что пришёл нам мешать. Ибо если был, кто всех более заслужил наш костёр, то это Ты. Завтра я сожгу Тебя.

Так что же Он сделал такого, что могло вызвать столь откровенную ненависть? Всё очень просто. Он пробуждал у людей тягу к свободному выбору пути и принятию ответственности за последствия своего выбора. Поэтому не мог Он покупать своих последователей ни превращением камней в хлеба, ни схождением с креста, ни завоеванием царства земного при помощи меча. И кто же мог выдержать такие высокие требования к самому себе? Много ли их было? Великий инквизитор задаёт этот вопрос, и сам отвечает на него.

Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным? И если за Тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать — так ужасно им станет под конец быть свободными!

Но мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать.

Это очень сильный удар! Отразить его трудно. Более того, всё сказанное Великим инквизитором повторилось в советское время, которое принято считать атеистическим.

По полюсу гордо шагает,
Меняет движение рек,
Высокие горы сдвигает
Советский простой человек.

Так писали во времена не столь отдалённые. Я восстанавливаю по памяти. Вроде бы так пелось и читалось... А вот цитата из лекции О.Седаковой.

Итак, «простой человек», который твердо знал, как должен писать художник, как должен сочинять мелодии и подбирать гармонии музыкант, строчил в редакции, выражал свои возмущения по поводу любой нетривиальной вещи, напечатанной в журнале. Зачем такое печатают? Такое печатать нельзя. Народу такое не нужно. Некогда воспитанный, он сам стал воспитателем. Он стал воспитывать других. К какому-то времени, видимо, «простой человек» составлял уже статистическое большинство нашего общества. Примыкать к «простым» было выгодно и удобно...

А вот суть, для чего всё остальное.

Теперь он явно становится главным героем цивилизации. Для него работает могучая индустрия развлечений, его надо защищать от «непростых». Поэтому я и назвала ту опасность и ту тираническую силу, которая угрожает современности, посредственностью.

Это именно "простые люди" восторженно встретили Христа, а потом решили Его судьбу криками "распи Его!".

Вернёмся снова к речи Великого инквизитора.

Все, что Ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не Ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот Ты теперь увидел этих «свободных» людей,— прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой.— Да, это дело нам дорого стоило,— продолжает он, строго смотря на Него,— но мы dokonчили наконец это дело во имя Твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротно и не достаиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль Ты желал, такой ли свободы?

И последняя цитата.

Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечество, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать? И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Рассердись, я не хочу любви Твоей, потому что сам не люблю Тебя.

Кто победил в этом безмолвном споре? По-моему, ответ очевиден. И только один сюжетный намёк позволяет предположить, что имеется и другое решение. Иван Карамазов завершает свою "поэмку" следующим образом.

Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, открывает ее и говорит Ему: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!» И выпускает Его на «темные стогна града». Пленник уходит.

* * *

Вот и вся история, если опустить мелкие подробности. Теперь пора собирать разбросанные камни. Так что же нёс "в массы" Иисус Христос и его ученики? Что было главным содержанием "Евангелия" — "Благой вести"? Ответ будет краток — *приблизилось Царствие Небесное, поэтому надо срочно заняться ремонтом своей Души, пока ещё есть время.* Можно и чуть-чуть подробнее своими словами, не претендуя на точность.

Надо не бояться земных страхов, потому что все ходим под Богом и без Его ведома ни один волос с головы не упадёт. Но если провести эту мысль через свою жизнь, то это значит уже сейчас жить в Царствии Небесном. И тогда тебе доступным станет и хождение по воде, и перемещение гор, не потому, что станешь волшебником, а потому, что действовать будешь не своим хотением, а повелением Бога.

И не потребуется тебе внешних чудес, поскольку внутреннее чудо ежечасного общения с Богом будет поддерживать непрерывное горение твоего сердца, которое станет излучать свет любви всем окружающим тебя, включая врагов.

И разве не обесценятся в твоих небесных глазах земные улады, которые надо добывать иногда вполне земным мечом?

Ну, и оправдалось ли Евангелие? Состоялось ли пришествие Сына Человеческого в Силе и Славе? Известно, что нет. Почему? Ответов может быть много. И один из них перекликается со словами Великого инквизитора. Многие ли услышали Евангелие и приняли его как руководство к действию? Многие ли воспользовались предупреждением для очистки Души? Ох, как их было мало! Так что же тогда, основную часть человечества

— в расход? Наверное, так нельзя. Выражаясь современным языком, проект Второго Пришествия отложили до лучших времён. Конечно, если считать, что Бог и Его глашатаи в человеческом облике не делают ошибок, то сказанное мною вызовет возмущение у "простого человека", который привык быть членом стада и руководствоваться истиной стада. Но наука и искусство учат людей беспристрастно просматривать разные варианты бытия.

Например, Библия утверждает как очевидное, что Солнце и планеты вращаются вокруг Земли. Коперник создал гелиоцентрическую модель мира, которая всё объясняет очень просто, если предположить, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца. А математика, при чём не самая современная, а времён Достоевского, смотрит с иронией на давние споры. С её точки зрения всё сводится к двум различным способам "разложения в ряд Фурье". При одном способе за начальную точку берётся Земля, и ответ получается правильный, но громоздкий, в другом случае за начальную точку берётся Солнце, и ответ получается тоже правильный и вдобавок куда более простой. А что значит "ответ"? Это значит, что мы можем рассчитать положение планет на небе в любой момент времени. Считать можно и так, и эдак. Но считать от Земли это всё равно, что чесать правой рукой левое ухо — можно, но неудобно. А ведь Коперник, когда придумал гелиоцентрическую систему, боялся за жизнь свою. Великие инквизиторы его времени зорко следили за тем, чтобы свобода мысли через какую-нибудь щель не пролезла.

Пришло время произнести утверждение, что проблемы, поставленные Иваном Карамазовым, не имеют разрешения в рамках классического христианского богословия его времени. Поэтому необходимо расширить понятийную базу этого богословия и тогда концы с концами, глядишь, и — сойдутся.

Давайте предположим, что монада человеческого духа (искра Божия) последовательно вселяется в разные человеческие тела для приобретения разнообразного опыта. Ежели принять это предположения, то общая картина сильно упростится.

Во-первых устанавливается какая-то справедливость и отпадают многочисленные вопросы. Кто-то рождается в бедной семье, кто-то в богатой. Кто-то красавцем, а кто-то слепой или без ноги. Кто-то — мужчиной, а кто-то женщиной. Если все проходят более-менее общий стандартный учебный путь, то речь идёт не о слепой удаче родиться богатым и красивым или бедным и без рук без ног, а о последовательности фаз приобретения жизненного опыта, включая самого горестного и экстремального.

А теперь второе. В этом контексте следует рассматривать и "слезинку ребёнка" Ивана Карамазова, поскольку монада духа этого ребёнка, возможно, совсем не ребёнок. И поскольку мы в духовном плане — частицы Бога, то Он делает эксперименты не на мышках, а на себе самом, поскольку наша боль и наши несчастья это Его боль и Его несчастья. Цель такой "школы" — очистка монады духа от зла и приобретение опыта добра. При полной очистке монада духа сливается с Богом, сохраняя индивидуальность. Если придерживаться образа мыслей Гегеля, то именно таким путём, через страдания и преодоление трудностей набирается бесконечная мудрость Бога.

В-третьих многократность "использования" монад духа естественным образом приводит к их неравенству. Кто-то из них только-только запущен в первый класс земной школы жизни, а кто-то вот-вот получит аттестат зрелости. Кто-то лучше учился, кто-то хуже. Как в любой школе ученики переходят из класса в класс, но общая структура школы остаётся практически неизменной. Это духовное неравенство на уровне монад приводит к неистребимости неравенства в человеческом мире. И этого бояться не надо. Представьте себе, например, что кто-нибудь поставит своей задачей уравнивать в правах первоклассника и выпускника школы, у которого уже усы растут. Это будет карикатурная реализация

современной программы "политкорректности", и если её допустить, то планка "одинаковое для всех" будет установлена по росту первоклассников. А это уже беда.

Есть ещё один аспект этой проблемы. Та самая свобода, о которой много рассуждает Великий инквизитор, нужна именно старшеклассникам, поскольку они уже научились ответственности, которая делает безопасной свободу. Но доля старшеклассников в общем количестве учеников мала. Поэтому в чём-то прав Великий инквизитор, упрекая своего Узника в том, что призыв к свободе будет оценён и услышан меньшинством, а остальным он не по силам. Узник молчит и не возражает, возможно и потому, что знает действенность Своего призыва для *старшеклассников всех времён*, а не только для данного выпуска. И конечно, Он знает, что детям опасны игры со свободой. Поэтому Он понимает, что Великий инквизитор в меру своего разумения пытается бескорыстно служить людям, правда в качестве тюремного надзирателя. Он понимает, что Великого инквизитора, осмелившегося выступить против своего Учителя во имя собственной, пусть ущербной *любви к людям*, надо пожалеть. Поэтому Он и целует Великого инквизитора в уста, и это всё, что он может, не нарушая принципа свободы, рассказать ему о том, что происходит на самом деле. И если опять вернуться к лекции Ольги Седаковой, то поддержание и развитие самомнения среди "первоклассников общества" в варианте Великого инквизитора или в обличи современной "политкорректности", конечно, ведёт к застою, и это по-настоящему опасный симптом. Поговорим об этом чуть подробнее.

В сущности, классическое описание Страшного Суда в виде фиксации текущего состояния и разбора полётов каждого мало что даёт. И без суда понятно, что старшеклассники будут выглядеть лучше, а тот, кто только что слез с пальмы, — хуже. Поэтому такой Страшный Суд не улучшает картину в целом. Требуется совсем другое. Критерием вмешательства в дела людей может быть системный кризис самой школы воспитания монад духа, то есть кризис человеческого общества. Это могут быть острые экологические проблемы, катастрофическое изменение климата, происходящие под влиянием "человеческого фактора", нравственная деградация общества в духе стратегии поощрения посредственности, например, и прочее. Богу — виднее, когда надо вмешаться. Старый Мир уничтожается, а на его месте создаётся новый, улучшенный (кстати, такая возможность не противоречит современной физике). Но этот мир по-прежнему не райский сад, не дом отдыха, и не зверинец, а школа самообразования.

Читателю понятно, что в процессе обсуждения театрального решения "Легенды о Великом инквизиторе" я переключился на обсуждение проблем религии в целом. Не потому, что я против религии — вовсе нет! а потому, что меня не устраивает её нынешнее убогое состояние. Убогое потому, например, что до сих пор противоядия циничным мыслям Великого инквизитора не найдено, если оставаться в рамках религиозной классики. Нужны реформы и отнюдь не косметические. Да и наука подпирает, особенно современная квантовая механика. Ведь до чего же эта наука дошла — до безудержного идеализма в основе всего-всего и фактического подтверждения гегелевской схемы саморазвития Бога! Современная (именно современная, наработки последнего десятилетия) квантовая механика утверждает, что материя вместе с пространством и временем есть *локальная частность* чего-то огромного и нематериального, которому очень подходит имя — БОГ. И чудеса, многократно описанные в религиозных источниках и эзотерических сочинениях, мало-помалу

получают и уже частично получили научное описание. Этого никогда не было. Гигантский шаг к неизбежному слиянию науки и религии.

Но чтобы это слияние произошло, религия должна "ужаться". Дело в том, что методология науки позволяет при помощи постановки контрольных экспериментов отбросить то, *чего быть не может*. Из всех возможных вариантов понимания какого-то явления рано или поздно остаётся один. Остальные отбрасываются. Поэтому наука едина. Эта методология неприемлема для оценки внутрирелигиозных проблем потому, что имеем дело с Богом, которого нельзя попросить "замереть", чтобы определить какие-то параметры и составить объективное понимание. Поэтому в разных версиях описания Бога, соответствующих разным религиям, имеются серьёзные отличия. Но означает ли эта разница, что одна из этих религий правильная, а остальные — неправильные? Совершенно необязательно! Форма почитания Бога соответствует ментальности тех людей, которым она кажется правильной. Это всё равно, что рисовать несимметричное здание. Рисунок будет зависеть от места, где встанет художник со своим мольбертом. Общим будет только шпиль. Но если разные художники будут продавать в другом городе на базаре свои картины, то у "простого человека", не вникающего в проективную геометрию, возникнет соблазн считать именно свою картину "правильной", а остальные — карикатурами. Здесь и драка может возникнуть и даже (не дай Бог!) религиозные войны. Уместно привести цитату из лекции Ольги Седаковой.

В одном из посланий Иоанна-Павла II я прочла такой ответ на вопрос: «Кто, Вы думаете, виноват в расколе христианских церквей?». И Папа ответил: «Посредственность. Посредственность внутри каждого из расколотых движений». Станным образом посредственность, которую принимают как массу, какую-то среднюю, смешанную до неразличимости массу, не наделена чувством солидарности. Она поневоле порождает расколы. Ей требуется такое упрощение, которого нельзя достигнуть, не отсекая одного за другим, оставляя разнообразие и сложность, в которой каждый должен ориентироваться по собственному усмотрению. Так и образуются все новые и новые отсеченные — «ошибочные» — части.

Поэтому слияние науки и религии станет возможным только тогда, когда фанатики от посредственности перестанут делать погоду в религиозных конфессиях. Надо научиться уступать. Надо стремиться к тому, чтобы хотя бы шпиль Веры выглядел примерно одинаково у всех! Тогда наука может использовать свою методологию в процессе слияния. Пока этого нет, и не видно тех общественных групп, которые были бы заинтересованы в решении задачи тысячелетий — объединения науки и религии для создания единого инструмента познания.

Христианство в этом смысле имеет те же недостатки. Если полагать, что аналогия между Развивающимся Богом из построений Гегеля и бесконечноразмерной субстанцией квантовых теоретиков, которая с их точки зрения первична, правильна, то вполне логично назвать Развивающегося Бога — Богом Сыном. Но это место в христианской терминологии прочно занимает Человек по имени Иисус Христос, хотя вообразить себе совмещение Бесконечного Бога и тела человека неизмеримо более трудно, чем вообразить совмещение монады человеческого духа и, например, тела червяка. Тесновато будет! То, что Иисус Христос — великий Пророк, я совершенно не пытаюсь оспорить, я

восхищаюсь масштабом этой личности, но если считать Его ипостасью Бога, то никакая наука не распутает гигантский клубок образующихся противоречий — хотя бы в трактовке Троицы.

А ведь, казалось бы, так просто! Бог Отец создал Бога Сына. Сын, естественно, совершенствуется. Люди и человеческое общество в целом — модели и инструменты совершенствования Бога Сына, школа Его обучения, но не игрушки! Все — Отец, Сын и люди связаны достоверно установленными ныне *нелокальными квантовыми корреляциями* (Бог Дух Святой). Через эти *корреляции* — Чудеса и Откровения. Они — основа творчества. Троица остаётся, но смысл её гораздо проще и понятнее. И одновременно такой подход куда величественнее. История в её метафизическом аспекте есть история развития и становления Бога, а вовсе не людей, которые суть временный этап такого развития, равно как и существование материальной Вселенной в целом.

Подводя итог, хочется выразить огромную благодарность создателям спектакля и исполнителям главных ролей за доверие к нам, зрителям. Они рискнули предположить, что нам доступно выйти из образа "простого человека", с которым мы намертво сроднились за годы советской власти. Выйти из него и — окунуться в мир Ивана Карамазова, для которого мир без Бога, без нравственных оценок не имеет смысла. А чтобы мы помнили о том, что наш сиюминутный мир потребления оглушает нас на каждом шагу и стремится превратить в "посредственность", на сцене мы видим телевизоры. Их много, и все они показывают одно и то же. Давайте не будем глядеть в их сторону...